

Андрей Николаевич ГЛЕБОВ¹

УДК 340.12

ЦЕННОСТНЫЙ ДИССОНАНС В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

¹ кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой государственного права,
Курганский государственный университет
gleban78@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется воздействие ценностной сферы общества на механизм правового регулирования, что особенно актуально в условиях поиска инструментов повышения эффективности правового регулирования, так как подобное исследование способствует пониманию причин снижения ее эффективности. В работе установлены три типа социально-ценностной ориентации нормативно-правовых актов. Первые два из них описывают, когда ценностное содержание акта: 1) соответствует интересам и ценностям одной группы, части общества, или 2) игнорирует ценности всего общества — и они могут повлечь пороки правового регулирования. Для обозначения этого негативного явления предлагается ввести термин «ценностный диссонанс». В применении к механизму правового регулирования это обозначает феномен социально-правовой реальности, заключающийся в противоречии и несоответствии между ценностями, доминирующими в обществе (или его части), и ценностями, транслируемыми правовыми средствами; также это влечет искажение механизма правового регулирования и снижение его эффективности.

Ключевые слова

Взаимодействие ценностей и права, ценности в праве, социально-ценностная ориентация права, ценностный диссонанс в праве.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-2-101-112

Цитирование: Глебов А. Н. Ценностный диссонанс в правовом регулировании / А. Н. Глебов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 2. С. 101–112.
DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-2-101-112

Правовое регулирование общественных отношений является открытым процессом, на который оказывают воздействие факторы различного характера, в том числе не имеющие правовой природы. Без учета этого воздействия невозможно теоретическое осмысление механизма правового регулирования, поскольку «исследования права, ограниченные сферой правового регулирования, носят односторонний характер» [13:107]. Затруднительным становится также решение практических задач связанных с повышением эффективности правового регулирования, так как причины снижения эффективности: правовые, внеправовые, околоправовые — необходимо рассматривать в комплексе и взаимодействии.

Среди околоправовых факторов особое место занимают ценности, господствующие в обществе. Ценности являются фундаментом, базовой детерминантой поведения индивидов. Аксиологический комплекс, сложившийся в социуме, порождает интересы, задает целевые установки поведения, определяет инструментарий их достижения. Субъекты социального регулирования при выборе целей своих индивидуальных онтологических стратегий, способов и средств их достижения исходят из иерархии ценностей, которая сложилась в обществе, и полагаются на свои индивидуальные ценностные установки. «Взявшись за анализ человеческих желаний, — писал А. Маслоу, — мы очень скоро обнаружим, что за каждым из них стоит какое-то другое, более фундаментальное желание, которое правильнее было бы назвать целью или ценностью» [10]. Невозможна или маловероятна ситуация, когда субъект стремится к результату или выбирает способы и средства, которые не обладают для него значимостью, не входят в систему его ценностей.

Игнорирование аксиологического аспекта в правовом регулировании, безусловно, негативно отражается на его эффективности. Следует отметить, что категория эффективности имеет ценностную природу, тесно связана с аксиосферой. Как верно отмечает А. В. Малько, «эффективность есть осуществленная цель—ценность, результативная ценность или ценностная результативность, качество реализованной ценности (полезности)» [9:62].

Ценностный компонент присутствует на всех стадиях правового регулирования, и можно говорить о существовании ценностного поля, которое оказывает воздействие на процесс правового регулирования на всех его этапах: правотворчества, правореализации, государственного принуждения. Взаимодействие ценностного поля и элементов правового регулирования может носить как позитивный, так и негативный характер. В рамках данной работы остановимся на негативном аспекте, снижающем качество правового регулирования.

В ходе правового регулирования общественные отношения целенаправленно упорядочиваются «в соответствии с общественными потребностями» [1:209]. Процесс правового регулирования может быть представлен как объективация, воплощение в социальную практику идеальных целей и моделей поведения, обладающих ценностью в общественном сознании.

В рамках правотворческой деятельности определяются значимые потребности общества и, исходя из них, ставятся цели правового регулирования,

создаются нормы права, через которые они реализуются. Цель правового регулирования в юридической литературе определяется как модель «желаемого соответствия объекта, явления или процесса определенному состоянию» [8], как «мысленное предвосхищение результата деятельности» [20:110]. Таким образом, цель есть ожидаемый результат правового регулирования, который моделируется в процессе создания права. Объективной основой, отправным пунктом моделирования выступает общественная потребность, проблема, которая реально наличествует в обществе, является социально важной, т. е. ее решение ведет к достижению результата, ценного для общества. Возможны различные варианты решения данной проблемы, и все они обладают разной значимостью, и имеют свое ценностное содержание. Это обусловлено тем, что общественные проблемы, требующие принятия нормативного акта, затрагивают разные социальные группы с различными социальными интересами. Каждая группа, руководствуясь своими устремлениями, видит свой результат и предлагает свой правовой алгоритм удовлетворения данной социальной потребности, исходя из своих ценностных установок. В данной ситуации происходит столкновение интересов, ценностей, которое должно быть разрешено в процессе подготовки и выработки нормативного акта. Согласимся с С. Е. Чечельницким, который характеризовал «процесс формирования права ... как своего рода “поле брани” различных социальных интересов: частных и публичных» [18]. Данные противоречия снимаются через партийно-парламентские механизмы, лоббирование, сговор и т. д. Таким образом, отбор цели правового регулирования, правовых средств в ходе правотворчества является ценностно обусловленным процессом.

С позиций ценностного подхода созданный нормативный акт может: 1) выражать баланс, гармонию интересов и ценностей, существующих в обществе; 2) соответствовать интересам и ценностям одной группы, части общества; 3) игнорировать ценности всего общества. Таким образом, каждый нормативно-правовой акт может быть отнесен к одному из выше обозначенных типов социально-ценностной ориентации. Под этим термином следует понимать нагрузку, «заряженность» нормативно-правового акта и зафиксированных в нем правовых средств определенным ценностным содержанием, выражающим интересы государства, общества, его части. Для целей данного исследования интересны второй и третий типы социально-ценностной ориентации нормативного акта и содержащихся в нем правовых средств, поскольку в их рамках могут возникать дефекты правового регулирования. В силу этого рассмотрим некоторые обстоятельства и ситуации, порождающие обозначенные типы ориентации и их социально-правовые последствия.

К объективным факторам, порождающим указанные типы социально-ценностной ориентации, относится классовый характер общества, когда господствующий класс, социальная группа воплощают в закон свою волю, а вместе с ней и свои ценности. Данный феномен хорошо изучен в рамках марксистского, формационного подхода.

Еще одной причиной может являться авторитарная власть, которая удовлетворяет, посредством законодательства, интересы национальных, клерикальных, партийных, клановых и иных групп, поддерживающих режим. Иллюстрацией подобной ситуации служит нацистское законодательство в Германии 30-х годов прошлого века. «Нюрнбергские законы», утвержденные немецким рейхстагом 15 сентября 1935 года, ставили немецких евреев за рамками правового поля рейха, особенно в части соблюдения их прав: «они лишались германского гражданства и значительно ограничивались в правах; изданные после 1935 г. еще 13 декретов по существу ставили евреев вне закона» [5]. Одновременно принимаются акты, которые дают преимущество НСДАП и ее членам, возвышают их над законом. В июле 1933 г. был принят декрет «Против образования новых партий», в результате реализации была прекращена деятельность основных партий Германии. Законом от 1 декабря 1933 г. «Об обеспечении единства партии и государства» нацистская партия объявлена «носителем германской государственной мысли, неразрывно связанной с государством». По этому закону Гитлер единолично формировал рейхстаг, назначал на посты министров, при этом назначение происходило только из числа лиц входящих в нацистскую партийную верхушку [6:153]. Очевидно, что данные законодательные акты не имели значимости ни для еврейского населения, ни для тех социальных групп, которые не поддерживали нацистов, а также они не содержали в себе ценностей, которые бы разделялись этими социальными общностями. Более того, они противоречили таким базовым правовым ценностям, как гуманизм, равенство, законность — и в силу этого воплощали антиценности: человеконенавистничество, правовое неравенство по национальному и партийному признаку, беззаконие и произвол.

К субъективным причинам можно отнести ошибку, заблуждение законодателя относительно потребностей общества, а, следовательно, и целей правового регулирования. Модель правового регулирования в данной ситуации не имеет объективной основы, ценности для общества и, как следствие, не дает ожидаемого результата, т. е. будет неэффективна.

Цель может быть притворной, когда «недейственные законы не достигают своих целей по той причине, что сам законодатель в большинстве таких случаев, руководствуясь политическими мотивами, создает лишь иллюзию желая достигнуть законной цели или преследует эту цель вопреки своей воле» [19]. Транслируемые ценности не разделяются либо законодателем, либо правоприменителем, либо субъектами, в отношении которых они направлены, но они вынуждены поддерживать эти цели, средства и их ценностное содержание. Нельзя утверждать, что в современной России абсолютно все парламентарии, государственные служащие федерального и регионального уровня, муниципальные служащие разделяют антикоррупционные ценности. Среди них есть «притворившиеся». Так, бывшие главы регионов, которым в последние месяцы были предъявлены обвинения в совершении коррупционных преступлений [17], в свое время могли активно участвовать в антикоррупционных мероприятиях,

так как в силу должностных полномочий эти персоны были субъектами антикоррупционной политики.

Возможен вариант, когда правотворец правильно определяет потребности и цели, но ошибается относительно средств правового регулирования. Такая ситуация может сложиться в результате рецепции зарубежного права. Правовые средства, дающие хороший результат в одной правовой системе, могут оказаться неэффективными при использовании в другой. Проблема кроется в том, что одновременно с передачей объективного права в другую правовую систему, к сожалению, невозможно «пересадить» правовое сознание, правовую культуру, правовые ценности общества «донора», потому что носителями этих феноменов выступает общество в целом и его отдельные члены, иони обусловлены ходом исторического развития данного общества [4:45].

Безусловно прав в этом отношении О. Ю. Винниченко, который отмечает, что «процесс вестернизации российского общества... волнообразно происходил в России, но она по-прежнему осталась страной азиатской с глубокими византийскими корнями и особой системообразующей ролью государства в обществе» [3:91]. Яркий пример этому дает Россия начала XVIII века. Петр Первый, проводя модернизационные преобразования, активно заимствовал для этого европейское право. Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» наряду с другими мерами вводит норму о наследовании недвижимого имущества в полном объеме только одним сыном. При этом наследодатель мог в завещании определить, кому из сыновей перейдет недвижимость; если завещания не было, то недвижимость переходила к старшему сыну. Остальные наследники призывались к наследованию только движимого имущества [14:151–153]. Данный порядок был не известен русскому наследственному праву, прототипом этой новеллы явились европейские нормы о майорате. Но «это — не закон о майорате или “о первенстве”, — как отмечает В. О. Ключевский — ... как его иногда характеризуют, хотя Петр и навел справки о правилах наследования в Англии, Франции, Венеции...» [7]. В данном случае Петр осуществляет заимствование конкретного правового средства, нормы о единонаследии для своих целей. Цели указа — прекратить дробление имений дворян, и тем самым усилить экономическую основу этого сословия, стимулировать дворян, непризванных к наследованию, поступать на службу, а также ограничить крестьян от излишней эксплуатации со стороны помещиков, дабы сохранить податную способность на должном уровне. Но они не были достигнуты по причине того, что норма о единонаследии так и не прижилась на российской правовой «почве»: отцы продавали часть имения при жизни и раздавали деньги младшим детям, брали обязательства с наследника недвижимости компенсировать младшим их долю имения и т. д.

В 1731 г. указ о единонаследии был отменен с пояснением: «яко необыкновенные сему государству» [16]. В. О. Ключевский, оценивая действие указа, отмечал: «Но и в этом законе, как в других своих социальных реформах, преобразователь мало соображал нравы, бытовые понятия и привычки» [7]. Норма

о майорате (единонаследии) для европейского феодального общества являлась эндогенной, следовательно, встроенной в систему правовых ценностей как инструментальная ценность. В России этому правовому средству предписывается также инструментальная роль, но, к сожалению, этот инструмент без ценностной нагрузки, которую он имел в Европе, не стал работать. Русские дворяне в единонаследии не видели ценности, поскольку этот порядок противоречил их представлению о справедливом, правильном порядке наследования, а отсюда — практика игнорирования, «обхода» закона.

Таким образом, цель правового регулирования, обладающая социальной значимостью, не может быть достигнута в силу использования правовых средств, не имеющих в обществе ценности или имеющих низкую ценность.

Среди иных обстоятельств, порождающих социально-ценностные ориентации права второго и третьего типа, можно назвать идеологическую обусловленность целей и средств правового регулирования. Например, законодательство о коллективизации сельского хозяйства в конце 1920-х – начале 1930-х годов внесло в общество идеологически окрашенные ценности, которые разделялись далеко не всем крестьянством, что вызывало существенные трудности при его реализации.

Еще одной причиной может стать конфликт публичного и частного интересов. Это иллюстрирует ситуация, которая сложилась в России в ноябре 2015 г. вокруг системы взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения, с грузовиков, имеющих разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн.

Федеральный закон от 06.04.2011 N 68-ФЗ установил обязанность внесения платы при движении по автомобильным дорогам федерального значения автомобилей с разрешенной максимальной массой свыше 12 тонн. Движение без оплаты запрещено, является административным правонарушением, наказывается штрафом [15]. Начало функционирования системы вызвало недовольство перевозчиков и водителей, в стране прошли массовые акции протеста. В итоге начинается работа по пересмотру в сторону понижения тарифов за проезд и уменьшению размеров штрафов.

Конфликт произошел по причине того, что законодатель, стремясь максимально удовлетворить публичный интерес, не затруднился в полной мере учесть частный интерес. Это ценностное несоответствие привело к социальному протесту и необходимости поиска компромиссного варианта правового регулирования.

После описания отдельных обстоятельств, детерминирующих социально-ценностную ориентацию нормативно-правовых актов, можно сделать некоторые обобщения. В целом, социально-ценностные ориентации нормативного правового акта второго типа, когда правовые средства и цели правового регулирования соответствуют интересам и ценностям одной группы, части общества; и третьего типа, когда игнорируются ценности всего общества, могут порождать социально-правовой конфликт, порок правового регулирования, снижающий его эффективность.

На различные проявления данного феномена уже обращалось внимание в юридической литературе. Так, для описания ценностного взаимодействия госу-

дарства и права А. Н. Бабенко вводит термин «археология власти». «Этот термин показывает несоответствие теоретических провозглашаемых ценностей реальным ценностям права и политики... Чем больше разрыв между провозглашаемой и реальной системами ценностей, тем менее эффективны действующие законы, действующая система права» [2:31–32]. При изучении социального механизма правового регулирования В. М. Сырых обратил внимание на то, что в современном обществе встречаются случаи, когда субъекты «в своих действиях и поступках руководствуются не нормами права, а противоречащими им нормами морали, традициями»; автор рассматривает это как конфликт права и социальных норм, который возникает «вследствие закрепления правом ценностных ориентаций и интересов, которые противоречат ценностным ориентациям и интересам отдельных социальных групп» [13:109]. Исследователь Н. Ю. Рашева, анализируя связь между юридическим конфликтом и нигилизмом, отмечает, что «правовой конфликт — это конфликт ценностей, в ходе которого противопоставляются собственные интересы общесоциальным ценностям системам» [12:14–15].

В целях дальнейшего исследования этого негативного явления в праве предлагаем для его обозначения ввести термин «ценностный диссонанс».

Диссонанс (от фр. *dissonance* — «нестройно звучу») — термин, означающий негармоничное сочетание музыкальных звуков, неслитное звучание тонов; в переносном значении — то, что вносит разлад, вступает в противоречие с чем-нибудь; также несогласованность, несоответствие [11].

Ценностный диссонанс механизма правового регулирования — феномен социально-правовой реальности, заключающийся в противоречии, несоответствии между ценностями, доминирующими в обществе (или его части), и ценностями, транслируемыми правовыми средствами, влекущий искажение механизма правового регулирования и снижение его эффективности.

Анализ проявлений ценностного диссонанса механизма правового регулирования позволяет выделить следующие его признаки.

Во-первых, ценности, воплощенные в правовых средствах, в первую очередь, в нормах права, не соответствуют ценностному «ландшафту» той сферы общественной жизни, которая подвергается правовому регулированию.

До момента начала правового регулирования общественных отношений у их участников уже существуют определенные ценностные установки: они могут осознавать, какой результат данной общественной связи является для них более желательным, также возможна ценностная дифференциация средств получения результата. С другой стороны, нормы, которые регулируют данные отношения, в процессе их создания получили ценностный «заряд», отличающийся от ценностных установок регулируемой сферы.

Во-вторых, воплощение нормативного акта, содержащего диссонирующие ценности, в реальную практику общественной жизни. Без реализации норм, содержащих диссонирующие ценности, диссонанса не возникает. Не вступив в правоотношение на основе ценностно-диссонирующей нормы, субъекты правового воздействия гипотетически предполагают и могут даже артикулировать

недостатки этой нормы. Но, только попав непосредственно под властно-правовое регулятивное воздействие, субъекты осознают, ощущают в полной мере порочность ценностного несоответствия. В итоге, начинается поиск алгоритмов ухода из-под регулятивного воздействия данной нормы, что ведет к искажению механизма правового регулирования и снижению его эффективности.

В-третьих, транслируемые правовыми средствами ценности не разделяются большинством (или существенной частью) членов социальной общности, участвующих в регулируемых общественных отношениях. Сложно найти законодательный акт, который бы отражал ценности и удовлетворял интересы всех членов общества, подвергаемых правовой регламентации с его стороны. Но в данной ситуации диссонанса не возникает, и правовое регулирование достаточно эффективно (если на него не действуют какие-то иные негативные явления). Для сбоев в механизме правового регулирования и в социальных процессах должна быть накоплена «критическая масса» участников общественных отношений, которые не разделяют транслируемые правовыми средствами ценности и продуцируют «дефектные» модели поведения. Показатели «критической массы» можно предположить гипотетически. Она достигается тогда, когда большинство (или значимая группа) субъектов общественных отношений, регулируемых нормативно-правовым актом, не разделяют его ценностной ориентации. Именно после этого количество дефектов в реализации правовых норм этого акта может стать критическим, а отношения упорядоченности могут смениться в самых крайних ситуациях социальным протестом, взрывом, в более умеренных случаях это описывается терминами «закон не работает», «закон обходят» и т. д.

В-четвертых, искажение механизма правового регулирования и снижение его эффективности одновременно является и признаком, и негативным последствием. Ценностное несоответствие толкает субъектов правового воздействия к продуцированию поведенческих практик, которые не предусмотрены правовой моделью заданной законодателем. Следовательно, механизм правового регулирования подвергается деформации, снижается качество регулирования.

В целом, проведенное исследование актуализирует и артикулирует проблему ценностного несоответствия в праве. Введение категории «ценностный диссонанс» включает в предметную сферу исследователей права описываемые этим термином явления и процессы, ставит задачу их дальнейшего исследования, поиска путей их предупреждения и преодоления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. М.: Изд-во БЕК, 1995. 320с.
2. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью: Автореф. дисс. ... док. юрид. наук / А. Н. Бабенко. М., 2002. 45с.
3. Винниченко О. Ю. Методология юриспруденции: кризис или новые возможности? / О. Ю. Винниченко // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Том 1. №2 (2). С. 90–97.

4. Глебов А. Н. Права и свободы человека в России в контексте модернизации / А. Н. Глебов // Обеспечение и защита прав человека в России и мире: сборник материалов круглого стола. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 44–49.
5. Захарчук О. С. Правовая концепция нацизма (Германия 1933-1939 г.) / О. С. Захарчук // Право: Теория и Практика. 2003. №7.
URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0703/16.html> (дата обращения: 20.01.2016).
6. История государства и права зарубежных стран. Часть 2. Учебник для вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. проф. Н. А. Крашенинниковой и проф. О. А. Жидкова М.: Изд-во НОРМА, 2001. 712 с.
7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция 62 / В. О. Ключевский.
URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/62.htm> (дата обращения: 03.02.2016).
8. Ляхова О. В. Проблематика целеполагания в правотворческой деятельности в современных российских условиях / О. В. Ляхова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. №12.
URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2092&Itemid=127 (дата обращения: 15.01.2016).
9. Малько А. В. Эффективность правового регулирования / А. В. Малько // Правоведение. 1990. №6. С. 61–67.
10. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. СПб.: Евразия, 1999.
URL: <http://psylib.org.ua/books/masla01/txt03.htm#3> (дата обращения: 10.01.2016).
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-изд. М.: Рус. яз., 1984. 917с.
12. Рашева Н. Ю. Ценность права сквозь призму ее отрицания: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Н. Ю. Рашева. М., 2006. 27с.
13. Сырых В. М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура / В. М. Сырых // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2. С.106–119.
14. Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // Хрестоматия по истории государства и права России / сост. д-р юрид. наук, проф. Ю. П. Титов. М.: Проспект, 1997.
15. Федеральный закон от 06.04.2011 N 68-ФЗ (ред. от 14.12.2015) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. ст. 2041.
16. Ханси Д. В. Исторические аспекты наследования (в дореволюционной, советской и современной России) / Ханси Д. В. // Молодой ученый. 2014. №12. С. 217–224.
17. Хорошавина обвинили во взятке и отказались выпустить из-под ареста.
URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2633635&tid=108222>. (дата обращения: 01.02.2016); СК предъявил обвинения Вячеславу Гайзеру и Алексею Чернову.
URL: <http://komionline.ru/node/70128> (дата обращения: 01.02.2016).
18. Чечельницкий И. В. Цели и средства современного правотворчества / И. В. Чечельницкий // Отрасли права: аналитический портал. URL: <http://xn----7sbabaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/5718>. (дата обращения: 20.01.2016).
19. Шувалов И. И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом / И. И. Шувалов // Журнал российского права. 2005. № 4.
URL: <https://www.lawmix.ru/comm/1409> (дата обращения: 01.02.2016).
20. Шувалов И. И. Цели и средства в правотворческой деятельности / И. И. Шувалов // Закон. 2005. № 5. С. 110–115.

Andrey N. GLEBOV¹

AXIOLOGICAL DISSONANCE IN LEGAL REGULATION

¹ Cand. Sci. (Hist.), Cand. Sci. (Jur.),
Head of State Law Department,
Kurgan State University, Russia
gleban78@mail.ru

Abstract

The article analyzes the impact of the axiological sphere of society on the mechanism of legal regulation, which is rather relevant to study under the conditions of searching for new implements of improving the efficiency of legal regulation, as it helps to understand the causes of lowering efficiency. In this work the author has established three types of socio-axiological orientation of regulatory legal acts. Two types of this orientation may lead to the blemishes of legal regulation if the axiological wording of the act: 1) corresponds to the interests and values of one group, the part of the society, or 2) ignores the values of society. The author also suggests introducing the term “axiological dissonance” in order to describe this negative phenomenon of social and legal reality (if implemented to the mechanism of legal regulation). The notion lies in contradiction and discrepancy between the values, which dominate in the society (or in its part), and values, which are represented by the legal arrangements; axiological dissonance also entails the disfiguration of mechanism of legal regulation and reduction of its efficiency.

Keywords

The interaction of values and law, the values in the law, the socio-axiological orientation of law, axiological dissonance in law.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-2-101-112

REFERENCES

1. Alekseev S. S. 1995. *Teoriya prava* [The Theory of Law]. Moscow: BEK.
2. Babenko A. N. 2002. “Pravovyye tsennosti i osvoyeniye ikh lichnostyu” [Legal Values and Their Mastery by Personality]. Dr. Sci. (Jur.) diss. abstr. Moscow: the Modern University for the Humanities.

Citation: Glebov A. N. 2016. “Axiological Dissonance in Legal Regulation.” Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 2, no 2, pp. 101–112.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-2-101-112

3. Chechel'nitskiy I. V. "Tseli i sredstva sovremennogo pravotvorchestva" [The Goals and Means of the Modern Legislative Process]. Otrazli prava: analiticheskiy portal. Accessed on January 20, 2016. <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/5718>
4. Glebov A. N. 2015. "Prava i svobody cheloveka v Rossii v kontekste modernizatsii" [Human Rights and Freedoms in Russia in the Context of the Modernization]. Proceedings of the workshop "Obespecheniye i zashchita prav cheloveka v Rossii i mire" [Provision and Protection of Human Rights in Russia and the World], pp. 44–49. Kurgan: Kurgan State University.
5. Hansi D. V. 2014. "Istoricheskiye aspekty nasledovaniya (v dorevolutsionnoy, sovetskoy i sovremennoy Rossii)" [The Historical Aspects of Succession (in the Pre-Revolutionary, Soviet, and Modern Russia)]. Molodoy uchonyy, no 12, pp. 217–224.
6. Klyuchevskiy V. O. Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy. Lektsiya 62 [The Russian History. The Course of Lectures. Lecture 62]. Accessed on February 3, 2016. <http://bibliotekar.ru/rusKluch/62.htm>
7. Krasheninnikova N. A., Zhidkova O. A. (eds). 2001. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. [The history of state and law of foreign countries]. Part 2: University Handbook. 2nd edn. Moscow: Norma.
8. Lyakhova O. V. 2013. "Problematika tselepolaganiya d pravotvorcheskoy deyatel'nosti v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh" [The Problems of Goal-Setting in the Legislative process under the Modern Russian Conditions]. Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye, no 12. Accessed on January 15, 2016. http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2092&Itemid=127
9. Malko A. V. 1990. "Effektivnost pravovogo regulirovaniya" [The Efficiency of the Legal Regulation]. Pravovedeniye, no 6, pp. 61–67.
10. Maslou A. 1999. Motivatsiya i lichnost [Motivation and Personality]. St. Petersburg: Eurasia. Accessed on January 10, 2016. <http://psylib.org.ua/books/masla01/txt03.htm#3>
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. 1984. Slovar russkogo yazyka [The Russian Dictionary]. Edited by N. Yu. Shvedova. 16th edn. Moscow: Russian language.
12. Rasheva N. Y. 2006. "Tsennost prava skvoz prizmu yeye otritsaniya" [The Value of Law in the Light of Its Negation]. Cand. Sci. (Jur.) diss. abstr, Moscow: the Modern University for the Humanities.
13. Shuvalov I. I. 2005. "Problema effektivnosti pravotvorchestva v svete sovremennoy politiko-pravovoy teorii upravleniya obshchestvom" [The Problem of Legislative Efficiency in Modern Political and Legal Social Control Theory]. Zhurnal rossiyskogo prava, no 4. Accessed on February 1, 2016. <https://www.lawmix.ru/comm/1409>
14. Shuvalov I. I. 2005. "Tseli i sredstva v pravotvorcheskoy deyatel'nosti" [The Goals and Means in the Legislative Process]. Zakon, no 5, pp. 110–115.
15. Sobraniye zakonodatelstva RF. 2011. "Federalnyy zakon ot 06.04.2011 № 68-FZ (red. ot 14.12.2015) 'O vnesenii izme-neniy v Byudzhethny kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii'" [The Federal Law from April 6, 2011 no 68-FZ (ed. on 14.12.2015) "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Some Legislative Acts of the Russian Federation Sobraniye zakonodatelstva RF, April 11, no 15, art. 2041.
16. Syrykh V. M. 2005. "Sotsialniy mekhanizm pravovogo regulirovaniya: ponyatiye, sostav i struktura" [Social Mechanism of Legal Regulation: Concept, Composition and Structure]. Leningrad Law Journal, no 2, pp. 106–119.

17. Titov Yu. P. (comp.). 1997. "Ukaz ot 23 marta 1714 g. 'O poryadke nasledovaniya v dvizhimykh i nedvizhimykh imushchestvakh'" [The Decree of March 23, 1714 "On the Order of Succession to Movable and Immovable Property"]. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii. Moscow: Prospekt.
18. Vesti.ru. "Khoroshavina obvinili vo vzyatke i otkazalis vypustit iz-pod aresta" [Khoroshavin Was Accused of Bribery and Was Denied Release from Custody]. Accessed on February 1, 2016. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2633635&tid=108222>; "SK predyavil obvineniya Vyacheslavu Gayzeru i Alekseyu Chernovu" [The Investigation Committee Brought the Charge to Vyacheslav Gaizer and Alexey Chernov]. Accessed on February 1, 2016. <http://komionline.ru/node/70128>
19. Vinnichenko O. Y. 2015. "Metodologiya yurisprudentsii: krizis ili novyye vozmozhnosti?" [The Methodology of Jurisprudence: the Crisis or New Opportunities]. Tyumen State University Herald. Socioeconomic and Legal Research, vol. 1, no 2 (2), pp. 90–97.
20. Zakharchuk O. S. 2003. "Pravovaya kontseptsiya natsizma (Germaniya 1933-1939 gg)" [The Nazism Legal Concept (Germany 1933-1939)]. Pravo: Teoriya i Praktika, no 7. Accessed on January 20, 2016. <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0703/16.html>